

И. А. ПЛОСКОВ (Сыктывкар)

К ВОПРОСУ ОБ АРЕАЛЕ ОДНОГО МИФОЛОГИЧЕСКОГО НАЗВАНИЯ

Ареал распространения мифологического наименования *албасты* весьма широк. Исследователи отмечают наличие лексемы (с вариациями) в мифологии турок, казанских, крымских и западносибирских татар, казахов, башкир, тувинцев, алтайцев, узбеков, туркменов, киргизов, каракалпаков, ногайцев, азербайджанцев, кумыков, балкарцев и карачаевцев — злой демон, связанный с водной стихией (Басилов 1980 : 58). Происхождение образа *албасты* недостаточно ясно. Некоторые авторы считают его персонажем тюркского происхождения. Согласно другой версии, представления об *албасте* связаны с традициями иранской мифологии. Предполагается, что в основе слова *ал* лежит древнее наименование божества, родственного *илу* семитских народов, а *басты* — индоевропейский термин: 'дух; божество', и что образ *албасты* сформировался в эпоху древнейших контактов этнических общностей (индоевропейской и семитской языковых семей) до их расселения на территории совместного обитания (Басилов 1980 : 58).

Лексема зафиксирована и в русском материале. В русской этимологии существует следующая точка зрения: *албаст* 'домовой', *албастый*, *лобастый* (от *лоб*), *лопастый* то же и *албаста*, *лобаста*, *лопаста* 'русалка', заимствовано из тат., казах., кыпч., крым.-тат., тур. *albasty* 'злой дух' (Фасмер 1964 : 69). О. А. Черепанова указывает, что по материалам XIX в. известны *албаста* 'хозяйка воды, русалка', *албастый* 'леший, лесовик'. Севернорус. *албаста* и *албастый*, неотчетливые по своим мифологическим характеристикам, — это лишь отголосок неславянского образа, широко распространенного в тюрко-иранском ареале, на Кавказе. Далее автор, исследуя ареальные изменения, отмечает наличие на средней и нижней Волге мифологемы *лобаста* — женщина огромных размеров, от неба до земли, тело ее — серая масса, у нее огромная косматая голова с оскаленными клыками, длинные руки со скрюченными пальцами, она появляется при буре, из тучи, ветра, вихря, оглушительно смеется, встреча с ней обычно гибельна. Приведенные характеристики непосредственно перекликаются с представлениями об этом образе у ряда неславянских народов (Черепанова 1983 : 89—90). О. А. Черепанова отмечает, что источники рус. *албастый* и *албаста*, скорее всего, различны. Первое слово пришло в севернорусские говоры из тюркских языков через посредство финно-угорских, в частности удмуртского, где представлена форма *албаствий* 'леший', к которой весьма близко по огласовке субстантивированное прилагательное *албастый*. Второе — из тат. *албасты*, *албасты* (Черепанова 1983 : 90).

В литературе зафиксированы соответствующие наименования в различном финно-угорском материале, например: мар. *алваста*, *лываста*, удм. *албасты*, *албаслу* 'злой дух, живущий на болотах' (Ахметьянов 1981 : 16).

Исследователи, как нам известно, пока не находили в других пермских языках подобные мифологические наименования. В то же время в «Сравнительном словаре коми-зырянских диалектов» значитесь: *алапастӧм*, *апастӧм*, *апас абу* 'в такой безобразной степени, что трудно представить (напр., грязный, покрытый пылью, о лице)'; а также *алала* 'разиня, ротозей, зевака' (ССКЗД 11). В верхневычегодском диалекте, к примеру, зафиксировано слово *аларитни* 'вольнить' (Сорвачева, Сахарова, Гуляев 1966 : 127). В коми этимологии так объяснялось упомянутое слово: *апастӧм* 'безобразный' < **авпастӧм*, ср. *ав* 'толк', *пас* 'знак'. Первоначальный вид лучше сохранился в варианте *алапастӧм* то же, где *ала-* зафиксировала допермский двухсложный облик слова (Лыткин, Гуляев 1975 : 8). В ССКЗД приведены *ал* 'ум, толк', *ала* 'толковый, смысленный' (ССКЗД 11).

Но есть и следующие фиксации слова с соответствующим значением: [*алала*] 'ревун, плакса'; *алапаса*, *алапас*, *алапаско* 'безобразный (о внешнем виде человека)' в присытывкарском диалекте коми языка (Жилина, Бараксанов 1971 : 193). Форма сложного слова (ср. *алапастӧм*), очевидно, также допустившая приведенное этимологическое объяснение, в данном случае изменилась (*алапаса* и др.) и уже, очевидно, не позволяет придерживаться этого объяснения; значение слова при этом сохраняется (в первом случае *алапастӧм*: *-тӧм* указывает, в частности, на отсутствие какого-либо качества; во втором случае появляется *-а* (*алапаса*), что уже говорит о наличии того же качества). Не постоянен и компонент *-пас-*, на который обращалось внимание. В летском говоре лузско-летского диалекта нами зафиксировано *абастӧм* — характеристика человека, утратившего моральные нормы (проявляющего грубость и т. д.); переносное — 'безобразный'. Как видим, значение слова усложнилось, но сохранило свою семантическую направленность (ср. также приведенное рус. *албаста* — название персонажа, как было признано, неотчетливого по своим мифологическим характеристикам, а также удм. *албасты*).

В верхневычегодском диалекте коми языка имеется также слово, усиливающее или уточняющее значение: *апастэм л'ок* 'бессердечный, жестокий' (Сорвачева, Сахарова, Гуляев 1966 : 127).

Интересно соотнести южнокоми *алямаска* 'шутник' и *алямазга* 'не-разбериха, сделано или написано так, что ничего не разберешь' (ССКЗД 11); соотносимы среднесыольские лексемы *ал'амаз'итны* 'сделать плохо, написать неразборчиво; запачкать', *ал'амаз'итчыны* 'запачкаться' (Колегова, Бараксанов 1980 : 63); в верхневычегодском диалекте — *ал'амазга* 'орава, мелюзга' и *ал'амазйа* 'мешанина; нечто сбитое, запутанное' (Сорвачева, Сахарова, Гуляев 1966 : 128). В лузско-летском материале также зафиксировано *ал'амас'с'а* 'шутник' (Жилина 1985 : 121); ср. иноязычные варианты наименования, относящиеся к данной группе мифологических названий: *алмас* — у монгольских народов, *алмазы* — у ингушей и чеченцев (Басилов 1980 : 58).

На наш взгляд, в данном контексте следует рассматривать южнокоми *ана* 'бука' (соотносится также с мифическим *бубыля* из детского репертуара) (ССКЗД 12, 28), а также приведенное И. А. Осиповым *алала* (*пышйыны*) — *ӧдйӧ, юр ни садь* (*лататы*) 'бежать сломя голову, быстро, ничего не помня' (1941 : 335). В то же время коми *ана*, очевидно, смыкается с нен. *аны*, *анэй* 'медведь' (НРС 26). В данном контексте интересно и среднесыольское *анасол'*: ~ *код'* 'толстый, здоровый (человек)' (Колегова, Бараксанов 1980 : 64). В верхневычегодском диалекте сформировалась лексема *апас* 'облик, вид'; *чужэмислэн апасис абу* 'лицо совсем обезображено (напр. от побоев)' (Сорвачева, Сахарова, Гуляев 1966 : 128).

Очевидно, к данной группе слов (учитывая соответствующие семантические вариации) следует отнести и верхневычегодское слово *абайнат* : йой 'дурак, болван' (Сорвачева, Сахарова, Гуляев 1966 : 127).

Можно предположить, что ареал распространения рассматриваемого мифологического наименования расширялся на севере не только благодаря севернорусскому материалу (пермскому, вятскому и т. д.), но и коми. Очевидно, наличие соответствующей мифологической системы не благоприятствовало прочному закреплению мифологического названия (или названий), как, например, у удмуртов. Однако «растворившееся» в коми диалектах слово (или, скорее, группа слов) сохранило (в основном) форму слова, его основное значение (нечто безобразное, чуждое).

Очевидно, исконное коми *ала* (ср. иж. *ал* 'красноречие, умень; толк' (Сахарова, Сельков 1976 : 125)); лузское *алйа* 'скромный, толковый, вежливый' (Жилина 1985 : 121) получило соответствующее наслоение в заимствованном и трансформированном мифологическом названии лишь в единичных случаях, и данная группа слов семантически очень сложна. Различное оформление названий также указывает, возможно, на разновременные и разнонаправленные заимствования (кроме соответствующих трансформаций). Кроме того, сам заимствованный элемент привносит дополнительную возможность для трансформаций — на разных уровнях, заключая определенное «осмысление» заимствования, и по ряду причин; при этом в коми диалектах также имеется достаточно большое количество заимствованных наименований мифологических персонажей (Плосков 1989 : 63—69).

ЛИТЕРАТУРА

- Ахметьянов Р. Г. 1981, Общая лексика духовной культуры народов среднего Поволжья, Москва.
- Басилов В. Н. 1980, Албасты. — Мифы народов мира, т. I, Москва.
- Жилина Т. И. 1985, Лузско-летский диалект коми языка, Москва.
- Жилина Т. И., Бараксанов Г. Г. 1971, Присыктывкарский диалект и коми литературный язык, Москва.
- Колегова Н. А., Бараксанов Г. Г. 1980, Среднесысольский диалект коми языка, Москва.
- Лыткин В. И., Гуляев Е. С. 1975, Дополнения к Краткому этимологическому словарю коми языка. — Коми филология, Сыктывкар (Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР, вып. 18. Приложение).
- Ненецко-русский словарь, Москва 1965 (= НРС).
- Осипов И. А. 1941, Местной кывъяслон словарь. — Висер вожа сыланкывъяс да мойдкывъяс, Сыктывкар.
- Плосков И. А. 1989, Мифологическая лексика в словаре. — Грамматика и лексикография коми языка, Сыктывкар (Труды Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения АН СССР, вып. 46).
- Сахарова М. А., Сельков Н. Н. 1976, Ижемский диалект коми языка, Сыктывкар.
- Сорвачева В. А., Сахарова М. А., Гуляев Е. С. 1966, Верхневычегодский диалект коми языка. — Историко-филологический сборник, вып. 10, Сыктывкар.
- Черепанова О. А. 1983, Мифологическая лексика русского Севера, Ленинград.
- Фасмер М. 1964, Этимологический словарь русского языка, т. I, Москва.

I. A. PLOSKOV (Syktyvkar)

ZUR FRAGE ÜBER DAS AREAL EINER MYTHOLOGISCHEN BENENNUNG

Im Artikel wird das nördliche Areal des Namens — wotj. *албасты*, syrj. *абастом* usw. untersucht.